

Академия для всех

Время святого равноапостольного
князя Владимира Красное Солнышко

события и люди

Юрий Алексеевич Соколов

Юрий Соколов

**Время святого равноапостольного
князя Владимира Красное
Солнышко. События и люди**

«Издательство СПбДА»

2017

УДК 281.93+94(47).025
ББК 63.3(2)41+86.372.24-341

Соколов Ю. А.

Время святого равноапостольного князя Владимира Красное Солнышко. События и люди / Ю. А. Соколов — «Издательство СПбПДА», 2017

ISBN 978-5-906627-31-5

Книга известного петербургского историка Юрия Алексеевича Соколова посвящена жизненному пути святого равноапостольного князя Владимира, а также тем обстоятельствам, психологическим особенностям и анализу ситуаций, которые привели князя к принятию крещения и христианизации Руси. Основная тема книги – реконструкция жизни князя Владимира, попытка понять мотивацию его поступков, психологические особенности и личностные черты как самого князя, так и его окружения, – тех людей, с которыми ему приходилось иметь дело или деятельность которых оказала значительное влияние на ход истории. Мысль автора облечена в форму вдумчивого рассказа с применением приемов художественного, местами даже экспрессивного описания. Книгу отличает глубокое погружение в исторический материал, выявление разнообразных причинно-следственных связей, поиск смысла как в действиях самого равноапостольного князя, так и в развитии Руси в целом, ее месту в мировой истории и задачам, возложенным на Русь и ее крестителя Господом. Рекомендуется преподавателям и студентам гуманитарных и богословских учебных заведений, религиоведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей Русской Православной Церкви.

УДК 281.93+94(47).025
ББК 63.3(2)41+86.372.24-341

ISBN 978-5-906627-31-5

© Соколов Ю. А., 2017

© Издательство СПбДА, 2017

Содержание

Предисловие научного редактора	7
Глава 1. Наследники	8
Глава 2. Корни	15
Глава 3. Отец. Святослав и Русь в начале 970-х годов	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ю. А. Соколов
Время святого равноапостольного
князя Владимира Красное
Солнышко. События и люди

© Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2017

* * *

Предисловие научного редактора

О святом равноапостольном князе Владимире написано уже немало книг. Практически нет книг о Киевской Руси, где бы он не упоминался. Крещение князя и крещение Руси не раз становились предметом изучения как светских, так и церковных историков. Казалось бы, привлечены данные всех возможных наук, чтобы понять эти ключевые в нашей истории события, исчерпаны сравнительно немногочисленные источники. Об этом событии думали лучшие умы России, его исследовали самые выдающиеся историки. И тем не менее, каждая новая книга о князе Владимире привлекает всеобщее внимание – столь уж значимыми и, в то же время, неоднозначными были результаты деятельности святого князя в истории нашей страны.

Предлагаемая читателю книга известного петербургского историка Ю. А. Соколова замечательна не только тем, что посвящена ключевой фигуре в отечественной истории. Ее основное отличие – это особый стиль мышления, делающий оригинальным всё, написанное данным автором. Его метод – это максимально геополитически и психологически достоверное воссоздание эпохи и характеров действующих лиц в исторической драматургии. Ю. А. Соколов пытается понять мотивацию и обстоятельства каждого поступка своих героев, «соткать» из их личностных особенностей и исторических закономерностей, событий и описаний, сравнений и обобщений единое «полотно» исторического сюжета. Такой подход позволяет увидеть жизнь людей в истории, а не какие-то абстрактные социально-политические и социально-экономические процессы. В результате читатель имеет возможность не просто прикоснуться к живой истории, к ожившим героям прошлого, но и восхититься эпическим характером как самих участников исторической драмы, так и написанной автором «словесной картины».

Работая над книгой, Ю. А. Соколов вынужден был касаться множества параллельных сюжетов и проблем. Выделяя закономерности и описывая типажи, нащупывая особенности и выявляя причинно-следственные связи, он часто приходил к неожиданным объяснениям и нетипичному прочтению отдельных исторических сюжетов. Все эти особенности делают книгу Ю. А. Соколова интересной не только для широкого читателя, но и для специалистов по истории Отечества.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия

Глава 1. Наследники

В самый зенит лета 1015 года умер великий князь Киевский и всей Руси Владимир Святославич. Как сообщает Нестор в своей летописи¹, кончина произошла в Берестове, княжеской резиденции, что под стольным градом. Кончине великого князя предшествовала болезнь, очевидно непродолжительная. Завершение пути того, кто войдет в историю под удивительным прозвищем «Красное Солнышко», кого православные народы будут помнить и почитать как «Равноапостольного», выдалось в непростое время, и последние дни Владимира Святославича никак нельзя назвать мирными. Русские летописи не слишком щедры на подробности, но даже они рисуют лето 1015 года так, что впору говорить о тяжелом политическом кризисе, разразившемся в Киевской Руси.

Еще в прошедшем году Ярослав, четыре года как посаженный отцом править в далеком Новгороде, поднял мятеж и намеревался отделить северные земли Руси от Киева. Владимир Святославич начал готовиться к походу на Новгород. В разгар подготовки похода, почуяв возможность использовать внутренние проблемы огромной Киевской державы, на русские пределы напали печенеги. На этот вызов нельзя было не ответить. Однако считая сепаратизм Ярослава и новгородцев угрозой для государства более серьезной (и Владимиру ли было этого не знать, ведь сам он пришел во власть тридцать пять лет тому назад именно в Новгороде, подняв мятеж против своего старшего брата Ярополка), великий князь лишь приостановил подготовку к походу на север. Против печенежских ханов он отправил дружину во главе с тем, кого видел своим наследником – князем Ростовским Борисом, сыном Владимира Святославича от византийской царевны Анны. Оставшийся без дружины Киев был захвачен князем Святополком Ярополковичем, приемным сыном великого князя.

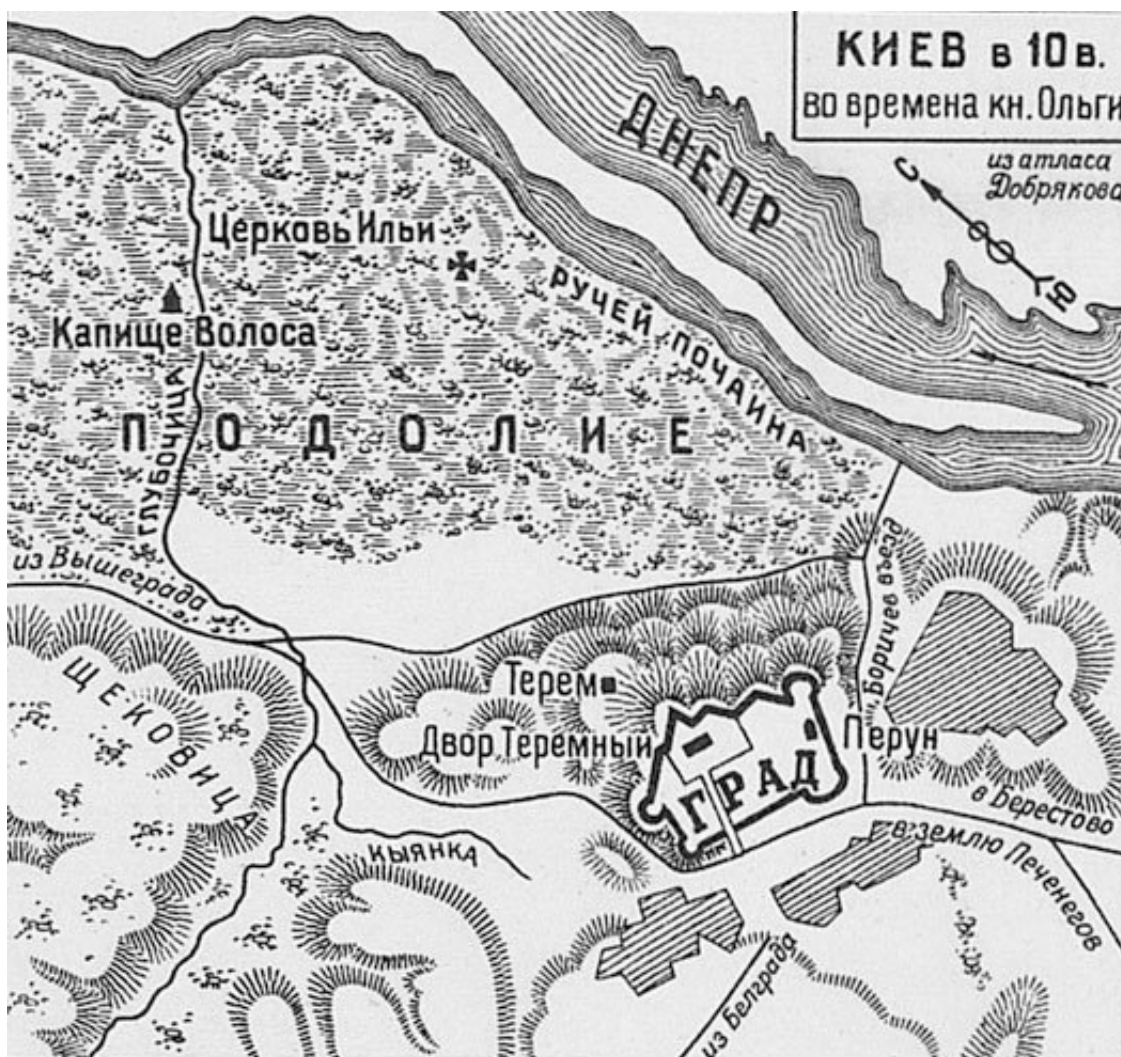
Мятежи тридцатисемилетнего Ярослава в Новгороде и тридцатипятилетнего Святополка² в Киеве имели, конечно, одну причину – проблему наследства верховной власти в

¹ Здесь и далее автор для упрощения понимает под «Нестором» автора «Повести временных лет». Выяснение авторства этого древнейшего из дошедших до нас летописных сводов – дискуссионный вопрос в науке – увело бы автора от основной проблематики – *прим. ред.*

² Возраст Владимировичей – дискутируемый вопрос в современной исторической науке. Наиболее распространено мне-

Киевской Руси. Владимир Святославич старел, дни его шли к закату, обострялся вопрос о преемстве. Эта проблема была тем более непроста, поскольку, во-первых, никакого закона о престолонаследии на Руси не было, а сложившиеся традиции имели весьма широкое толкование, а во-вторых, Владимир Святославич был любвеобилен и до Крещения имел множество жен и наложниц, одаривших его большим числом детей, в том числе и сыновей. Летописи сохраняют имена либо восьми, либо девяти Владимировичей, живших в 1015 году, и, очевидно, это отнюдь не все из сыновей великого князя. Но, конечно, далеко не все обладали необходимыми для борьбы за власть амбициями, опытом и возможностями – большая часть их довольствовалась своими уделами, и активность свою они могли проявить лишь в поддержке того или иного претендента. Реальными же претендентами на власть в Киеве были три сына Владимира: Ярослав, Святополк и Борис.

Ярослав считал именно себя, как старшего из всех сыновей великого князя, наиболее законным и естественным преемником своего отца. Он до Новгорода более двадцати лет княжил в Ростове, был опытен, хладнокровен, искусен в политике. Проницательный ум сочетался в нем с расчетливостью, волей и огромным властолюбием. Не случайно его опасался даже его собственный отец. Несомненно, по дарованиям Ярослав, которому суждено войти в историю с прозвищем «Мудрый», был более всего приспособлен к роли верховного правителя Киевской Руси.

ние, что Святополк и Ярослав были полными ровесниками – прим. ред.

Святополк хоть и не был родным сыном, но полагал именно свои права на киевский «Золотой стол» более обоснованными, ибо его отец, погибший во время усобицы 980 года, Ярополк Святославич, был старшим братом утвердившегося в Киеве Владимира. С восьми лет княжил он в Турове, и поскольку в историю он войдет «Окаянным», то рано сформировавшаяся традиция будет всячески подчеркивать враждебные отношения Святополка со своим приемным отцом. Но отношения их вовсе не были столь однозначны. Святополк часто и достойно выполнял многочисленные поручения великого князя. Его амбиции были велики, но способности к мышлению стратегическому у него не имелось – он легко поддавался настроению и внешнему влиянию, был скорее «ведомым», чем «лидером».

Борис был более всех любим Владимиром Святославичем. Надо полагать, что его образ в некоторой мере идеализирован, в том числе и потому, что он, наряду с братом своим Глебом, обретет статус первого святого на Руси. Но, очевидно, для такой идеализации в характере Бориса Владимировича имелись основания. Формально сменив на Ростовской земле в 1010 году отъехавшего в Новгород Ярослава, Борис почти все время пребывал близ отца в Киеве. Владимир Святославич не скрывал, что именно ему намерен передать верховную власть на Руси. Причиной этому была отнюдь не только личная привязанность стареющего правителя. Борис был сыном Анны³, что к времени разгорающейся борьбы за власть уже четыре года как была погребена в киевской «Десятинной» церкви Пресвятой Богородицы.

Анна в русских летописях именуется не «княгиней», а «царицей», что подчеркивало ее особый статус в клане Рюриковичей, так как она была младшей дочерью незадачливого и легкомысленного византийского императора Романа II и коварной Феофано. Следовательно, Анна была с одной стороны – племянницей крестного отца святой равноапостольно княгини Ольги, известного своей ученостью и высокомерностью императора Константина VII Порфирогенета, а с другой стороны – родной сестрой сразу двух византийских императоров-соправителей, грозного охранителя империи и Православия Василия II Булгароктона⁴ и неспособного к бремени власти, хотя и весьма злобного Константина VIII. Главное же, Анна Романовна была «кровь от крови» и «плоть от плоти» великой Македонской династии, утвердившейся в Византии еще в 886 году (т. е. почти одновременно с объединением восточнославянских племен в Древнерусское государство с центром в Киеве⁵) и, следовательно, сыновья ее от Владимира: князья Борис Ростовский и Глеб Муромский, – также были частью этой династии.

Передача власти в Киеве Борису, внуку и племяннику византийских базилиевсов, сообщала Рюриковичам более высокий статус, как бы «уравнивала» статус не только самих Рюриковичей, но и возглавляемой ими Киевской Руси с Византией, не говоря уж о «статусном преимуществе» перед правящими домами западноевропейских государств. Владимир Святославич был, конечно, любящим отцом, хотя и распространялась эта любовь на его детей неравномерно, да, видимо, и не на всех. Но прежде всего он был строителем государства и до последнего думал о величии и будущем Киевской Руси. Он был уверен, что это будущее и это величие будет упрочено подчеркнутым родством правящей в Киеве династии с византийскими базилиевсами. Он был уверен, что процветанию Руси будет способствовать пролонгация «брачной политики» с Византией, которая станет при желаемом им наследнике несоизмеримо с прошлыми годами

³ Насчет происхождения Бориса Владимировича нет единства среди исследователей. Большинство считает, что Борис и Глеб родились от матери-«болгарыни», как она названа в Повести временных лет. Речь идет о Волжской Булгарией, мир с которой Владимир заключил незадолго до своего крещения. От Анны, таким образом, Владимир детей либо не имел, либо о них ничего не известно – *прим. ред.*

⁴ Василий II Булгароктон известен в отечественной историографии как Василий Болгаробойца – *прим. ред.*

⁵ Современные исследователи все более осторожно используют термин «государство» к данному периоду русской истории, поскольку Древняя Русь X века не обладала еще атрибутами государства в полной мере. Равно как еще трудно называть Киев «столицей» Руси – *прим. ред.*

более легкой и даже естественной. Понять Владимира Святославича легко: подобно иным правителям своего времени, он видел именно в Византийской империи идеал государства, быть может даже единственного «настоящего государства», т. е. такого, что является органическим и единственным безусловно легитимным наследником великих держав древности и, прежде всего, Римской империи. Совершенно сознательно Владимиром Святославичем закладывался фундамент того, что спустя четыре столетия выкристаллизуется в доктрину «Третьего Рима».

Напрасно осуждать Ярослава и Святополка как неблагодарных злодеев, – участь старших братьев, ходивших в общем мнении в наследниках киевского «Золотого стола», в случае утверждения Бориса Ростовского в переданной ему верховной власти, неизбежно оказалась бы трагичной. Канонизированный образ св. Бориса не допускает мысли о том, что он мог бы проявить жестокость в отношении кого бы то ни было, тем более в отношении своих братьев. Но тогда вряд ли можно было бы рассчитывать на победу ростовского князя в борьбе за Киев. И даже если бы вдруг обстоятельства сложились бы таким образом, что он, опираясь на находящуюся в его подчинении столь мощную силу как великокняжеская дружина, сел бы на великое княжение, все равно удержаться на нем сколь-либо продолжительное время не смог бы. Закон власти вынудил бы Бориса Ростовского прибегнуть к силе и добиться гарантий «политического небытия» старших братьев. Такой гарантией могла быть только их гибель. Следовательно, закон власти не оставлял им места среди живых, а равно и их многочисленному окружению, для которых они были патронами, и с которыми это окружение связало свое будущее. На что они могли рассчитывать?

Святополк рассчитывал на поддержку западных окраин, своего тестя – польского князя Болеслава Храброго и, как ни странно, на поддержку киевлян. Подтверждением последнего является та быстрота и легкость, с которой Святополк овладел Киевом – без поддержки элиты и плебса совершить это было бы невозможно. Считается, что на момент кончины Владимира Святославича его приемный сын находился то ли под арестом, то ли под надзором в ссылке в Вышгороде за попытку заговора, составленного при посредничестве прибывшего в Туров колобжегского епископа Рейнберна. Епископ представлял именно Болеслава Храброго. Целью заговора было свержение Владимира и захват власти до того, как она будет передана Борису Ростовскому. Однако то, что великий князь умер не в Киеве, а в Берестове, и то, что смерть его пытались на какое-то время скрыть и тело покойного государя, завернутое в ковер, тайно привезли в Киев, положив в «Десятинной церкви», свидетельствует недвусмысленно, что Святополк к тому времени уже овладел столицей Руси. Нестор в летописи пишет совершенно определенно: «...утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве»⁶. Исходя из этого, позиции Святополка представляются в схватке за власть весьма прочными.

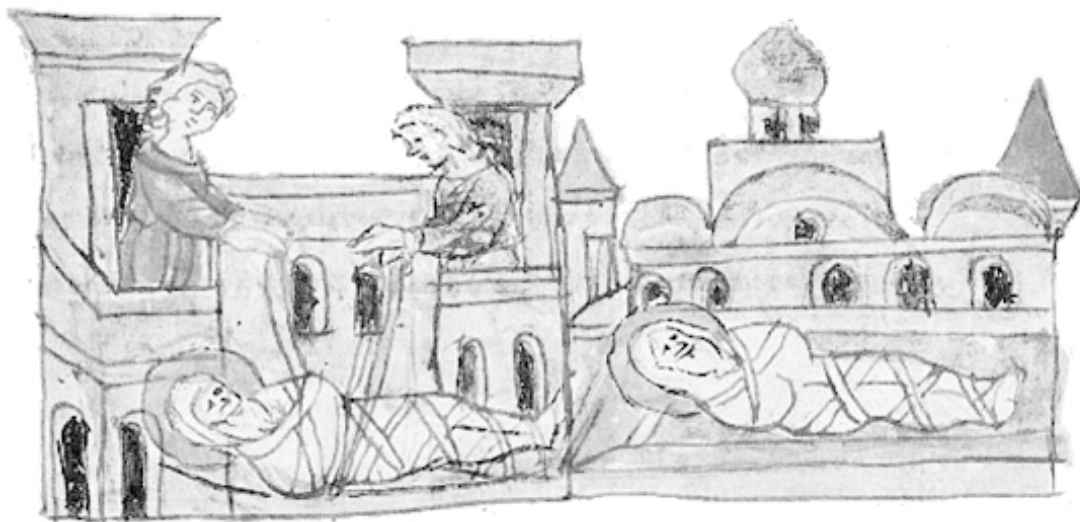
Ярослав находился слишком далеко от Киева. В своей жизни он не слишком-то часто бывал в стольном граде и вряд ли имел в нем влиятельных сторонников, да и для посада он оставался фигурой незнакомой. Рассчитывать он мог, прежде всего, на новгородцев, а также на те окраины, которые удалось бы привлечь на свою сторону. Понятно, что Борис Ростовский продолжал политику «византизма», начатую его отцом, что означало христианизацию Руси и окончательное вытеснение язычества, а вместе с тем и ужесточение контроля Киева над окраинами, сокращение автономных прав этих окраин. Очевидна была и позиция Святополка Туровского. Тесно связанный стовором с Болеславом Храбрым, он также продолжил бы христианизацию, хотя и с оглядкой не на Византию, а на Западную Европу.

Соответственно, Ярослав мог рассчитывать на победу только в том случае, если на его сторону встанут окраины, где было еще сильно язычество и где менее всего хотели поступиться своими вольностями. Политические реалии не оставляли Ярославу иного выбора, как высту-

⁶ Здесь и далее используется приводится русский перевод «Повести временных лет» по изданию: Повести Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и Н. В. Поньрко. Л., 1983. – прим. ред.

пить в роли защитника «языческих древностей». Понятно, что подобная позиция создала бы для Ярослава серьезные препятствия в Киеве и вообще в Поднепровском районе, где христианство имело давние и прочные корни. Однако Ярослав был достаточно искусен, чтобы вести двойную игру, и чтобы по мере изменения ситуации трансформировать свой образ. Кроме того, как реалист, Ярослав вполне мог, хотя бы на первых порах, ограничиваться «программой минимум», т. е. целью своей он имел не захват власти в Киеве, а отделение Новгорода и, очевидно, всех северных территорий от Древнерусской державы. Характер и масштаб личности Ярослава весьма полно раскрылся в последующие годы. Учитывая это, можно с большой вероятностью полагать, что властью в суверенном Новгороде он не ограничился бы и непременно на каком-то этапе своей жизни, когда позволили бы обстоятельства, начал войну за Киев и власть над всеми русскими территориями.

Смерть постигла великого князя Владимира Святославича в тяжелое, суровое время. Сама смерть эта была стартом к кровопролитию, в которое окажутся вовлечены все земли Киевской Руси. И хотя кончина князя, в силу возраста и наблюдаемого дряхления, была ожидаема, но, как всегда, случилось все неожиданно. А потому все, и прежде всего сторонники Бориса Ростовского, оказались не подготовлены к борьбе за власть. Поэтому смерть князя хоть на какое-то время хотели скрыть. Тайно, глубокой ночью не через двери, а через разобранный пол тело князя, завернутое в ковер, спустили на веревках на землю и ночью же, привезя его без всякого сопровождения в Киев, положили близ надгробия жены, базилисы Анны, в церкви Пресвятой Богородицы. Мы даже не знаем, успели ли к утру изготовить гроб, или тело самого могущественного человека на русской земле оставалось завернуто в ковер. А далее случилось то, в чем должно видеть подлинную оценку жизненного пути Владимира Святославича: скрыть его кончину не удалось, и огромные толпы людей самого разного происхождения стали с утра сходить к храму. «Сошлись люди без числа, – пишет Нестор, – и плакали по нем. Бояре, как по заступнику страны. Бедные же – как о своем заступнике и кормителе». Примечательно, что никто из сыновей к похоронам Владимира Святославича не имел отношения – великого князя и «крестителя Руси» провожал, демонстрируя искреннюю и великую скорбь, народ. Тело упокоившегося первого христианского правителя Руси было положено в мраморный гроб, который при всеобщем плаче и молитвах был установлен в церковной крипте, подле захоронения базилисы Анны.

Владимир Святославич, как и всякий иной государь, был человеком сложной судьбы, личностью мощной, властной и многообразной, о чем свидетельствуют многие страницы лето-

писей. Его нельзя было отнести к числу «политических вегетарианцев», да и, надо сказать, при этом качестве он не только не удержался бы во власти, но даже и не вошел бы во власть. Всеми средствами, в том числе и самыми суровыми, которые были в его распоряжении, Владимир Святославич пользовался в равной степени искусно и решительно. Его никак нельзя назвать государем мягким или непоследовательным. Но всякое действие Владимира Святославича во время его нахождения на великокняжеском «Золотом столе» преследовало упрочение и процветание Руси. Он был истинным строителем государства и столь же истинным отцом своих подданных. Если им и совершалась какая-либо суровость, если временами могучая длань власти пригибала к земле, то все знали, что причиной тому не бездумный произвол, но вынужденная необходимость, имеющая конечной целью общую пользу. Народ за тридцать пять лет пребывания Владимира Святославича во главе Руси хорошо узнал его, оценил и привык ему доверять. Народ и провожал своего государя как своего общего отца – сурового, но справедливого, властного и заботливого.

Люди стояли плотной массой и исполненные искренней скорби вокруг огромной и роскошной церкви Пресвятой Богородицы. Люди стояли и в самой церкви, обступив гроб великого князя. Никто не организовывал их, никто не сгонял и не наставлял, как надлежит себя вести. Они пришли по зову сердца, по собственной воле, являя тем великую благодарность усопшему за его непростую и наполненную трудами жизнь во благо Руси.

Этой жизни было около шестидесяти лет. Сказать точнее невозможно: обычно указывается, что Владимир Святославич родился до 960 года. Его отец в 970 году, отбывая на очередную войну и намереваясь окончить дни свои на берегах Дуная, внял просьбам новгородцев и дал Владимира им в князья. Тот был еще очень молод, но, судя по всему, из детского возраста уже вышел: ему было больше десяти лет. Когда родился у Владимира первенец Вышеслав (то ли от «чехины», то ли от «норвежской княжны Олавы»), шел 977 год. Таковы единственно известные сегодня (и уже с давних пор) временные рамки, определяющие рождение Владимира Святославича: вторая половина 950-х годов.

Время, когда родился Владимир Святославич, было полно событий поистине исторических. Основатель Священной Римской империи Оттон Великий в ожесточенной битве при Лехе разгромил венгерские орды Арпадов и навсегда остановил венгерские разрушительные набеги на Европу. И тот же Оттон Великий направил к княгине Ольге в Киев свое посольство, которое возглавил епископ Адальберт. Сама же Ольга двумя-тремя годами до того совершила поездку в Константинополь, где император Константин Порфирогенет встречал ее с великим почетом, и где в дворцовой церкви Буколеона⁷ княгиня приняла Крещение. В это же время византийские войска, сломив оборону арабов, вышли к берегам Евфрата, демонстрируя политическую и военную мощь империи ромеев при Македонской династии. На западе, у берегов Атлантики, на Пиренейском полуострове разгоралась Реконкиста – борьба христиан против арабской династии Кордовско-Аббасидского халифата. А на востоке, на берегах Тихого океана завершилась эпоха У-дай, известная как «Время пяти династий и десяти царств»; армия избрала императором полководца Чжао-Куань-иня и началась история династии Сун и последнего домонгольского объединения Китая.

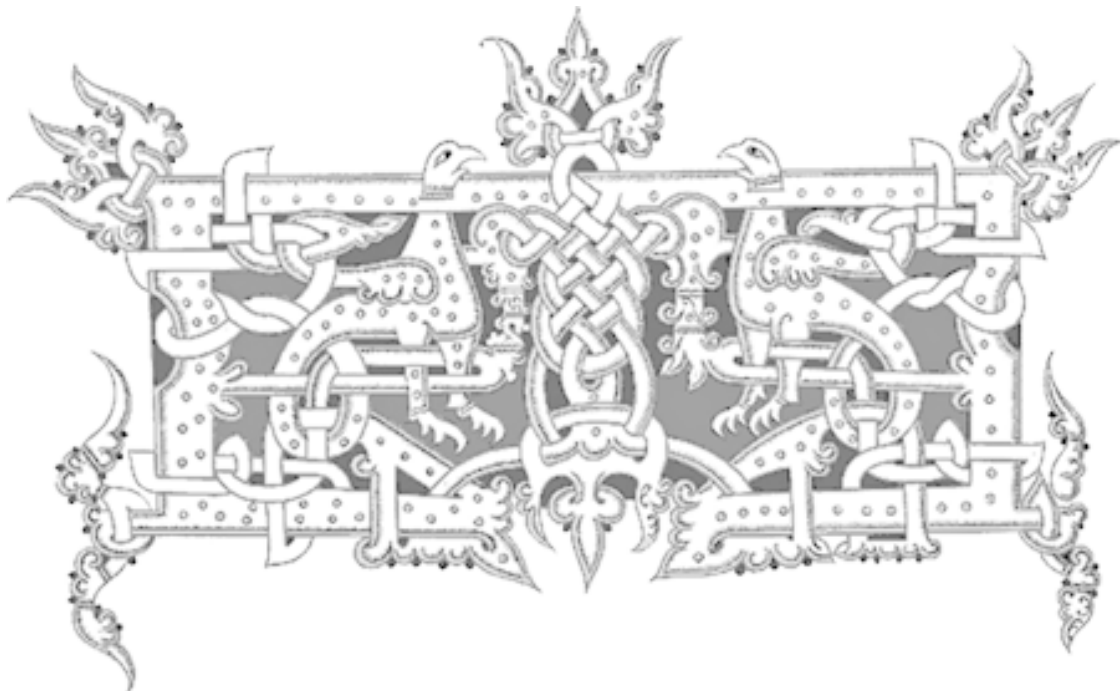
Рождение от святославовой наложницы Малуши Любечанки в деревне Будятине ребенка, нареченного впоследствии Владимиром, прошло незаметно. Да и где это Будятино – никто не знает: то ли на Волыни, то ли в земле радимичей, где-то на реке Сож, то ли где-то под Псковом. Даже сама мудрая Ольга, наложившая, как свидетельствует Никоновская летопись, опалу на свою ключницу «за прелюбодейство», не могла предположить, какое грандиозное будущее у новорожденного. Что именно этот никем, кроме матери, не желаемый ребенок станет подлин-

⁷ Буколеон (Вуколеон) – основной дворец византийских императоров, находившийся в южной части Константинополя, на берегу пролива Босфор, построен в первой половине V века – *прим. ред.*

ным продолжателем дела своей великой бабки, что именно он определит на века исторические судьбы народов Восточной Европы. Рождение Владимира прошло незамеченным современниками. Но это рождение с полным основанием следует отнести к событиям огромного исторического значения, никак не меньшим, чем прочие, имевшие место в середине X столетия.

Глава 2. Корни

Начало истории того, кто в значительной степени определил на века судьбу восточно-славянских народов, погружена в те времена, когда конфедерацией племен, раскинувшихся с севера на юг от Ладоги до Днепровских порогов, известной как Киевская Русь, управляла княгиня Ольга. Ко времени рождения Владимира она была вдовой минимум уже лет десять. Ее супруг, князь Игорь Рюрикович⁸, с которым они прожили вместе долгих более чем сорок лет, погиб в Древлянской земле. Предание, отлитое в завершенную летописную форму Нестором, возлагает вину и на самого князя, искусившегося возможностью повторного сбора дани, и на его дружину, жаждавшую легкого и незаконного обогащения, и, естественно, на самих древлян. В неразумность многоопытного князя, всю свою жизнь совершавшего полюдье и в совершенстве знавшего все сопряженные с ним традиции и обычаи, верится слабо. Скорее всего, Нестор попытался скрыть истинную причину трагедии, суть которой в глубоком политическом кризисе Руси.

В этом кризисе проявилось многое, прежде же всего, опасно обнаружившаяся слабость власти варяжской военной элиты из-за неразрешимости противоречий между варягами, русами и многочисленными славянскими племенами⁹. Противоречия стали тем более очевидными, в свою очередь, из-за обострившегося противостояния между Византийской империей и Хазарским каганатом, в жернова непримиримой политики которых попала Русь, чья государственность была весьма недолгой, условной, связанной «на живую нитку». Варягам, захватившим власть и в Новгороде, и в Киеве, удалось связать самодостаточные племена соблазнами торгового транзита от Балтики до сказочно богатого Константинополя. Образованная в 882 году конфедерация ничем более не цементировалась. Сам же транзит, а вместе с ним и зыб-

⁸ Происхождение Игоря от Рюрика часто подвергается среди ученых сомнению, однако они основаны исключительно на критике летописного текста. Автор книги посчитал в данном случае возможным упростить подход к вопросу и признать Игоря сыном Рюрика условно – *прим. ред.*

⁹ Автор книги считает варягов, русов и славян подвижными в своем значении этнонимами. На X – начало XI века варяги, по его мнению, представляли собой скандинавов, наемников в Восточной Европе и прежде всего на Руси; русы – уже осевших на Руси выходцев из Скандинавии, но еще не смешавшихся со славянами – *прим. ред.*

кое единство, оказался крайне уязвим из-за того, что низовья Днепра находились в контролировавшихся хазарами степях, в то время как смысл транзита был в торговле с византийцами. Из-за невозможности примирить (в интересах Руси) Византию и Хазарию погиб князь Олег, а спустя тридцать три года погиб и Игорь. Ход истории требовал от варягов либо отказаться от «Русского проекта», либо определиться с внешней и внутренней политикой. Определиться с внешней политикой – значит сделать выбор между Православной империей и Иудейско-тюркским каганатом; сделать выбор между христианством и иудаизмом, в конечном же счете, сделать выбор между христианством и язычеством. Определиться с внутренней политикой – значит начать настоящее строительство государства, и здесь, прежде всего, снять болезненные противоречия между варягами, русами и славянами, провести возможно более быструю и безболезненную инкорпорацию их элит, что было условием завершения этногенеза. Надеяться на то, что эти кардинальные реформы совершит старый князь Игорь, не приходилось, так как он воплощал (можно сказать персонифицировал) старые времена и порядки. Необходимость реформ требовала и появления новых лидеров, в которых сочетались бы и решительность, и преемственность, и авторитетность во всех находившихся на грани конфликта этнополитических группах.

Именно княгиня Ольга и стала таким лидером. Каким образом она оказалась приемлема для самых разных слоев населения Руси – этого мы никогда не узнаем, источники молчат о большей части жизни той, кто с 945 года стала правительницей Руси, и кто впервые стала сознательно, последовательно и упорно воздвигать монументальное здание Древнерусского государства. Одно можно сказать совершенно определенно: Ольга была политиком универсальным, обладавшим умом глубоким, хватким, пронизательным, политиком тактически гибким, но и способным к стратегическому мышлению, политиком, имевшим характер мощный и властный, далекий от сентиментальности, цельный и заразительный. Господь дал Ольге долгую жизнь и привел ее на вершину власти в том возрасте, когда, казалось бы, очевиден был ее закат, когда вместе с умножением опыта истощаются душевные и физические силы, утрачиваются желания и острота восприятия. Однако же в Ольге мы не видим на 945-й год никаких признаков увядания, так как более двадцати лет она будет властным кормчим страны, направляя ее в будущее.

Первое упоминание Владимира в летописи, впрочем, и относительно развернутое, относится к 970 году. Княгини Ольги уже не было в живых, и Нестор с искренней патетикой о ней говорит: «Она первая из русских вошла в Царство Небесное, ее и восхваляют сыны русские – свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь». Сын ее, Святослав Игоревич, как это часто случается у великих государственных деятелей, наследником ее дела не стал.

Отношения Ольги и Святослава драматичны, а последствия их едва не стали для Древнерусского государства трагическими.

Очевидно, Святослав, учитывая варяжские традиции того времени и то, что на момент его рождения княгине было более пятидесяти лет, являлся приемным сыном Ольги. Имелись ли у Ольги родные дети от Игоря – неизвестно, но, в любом случае, до 945 года никто из них не дожил. Имелись ли иные братья у Святослава – опять же ничего не известно, хотя и логично предположить их существование. Причина, по которой десятилетний сын семидесятилетнего Игоря стал формально наследником верховной власти на Руси, непонятна¹⁰. В отношениях Ольги и Святослава с самого начала прослеживается какая-то тайна, недосказанность и напряженность. Ольга фактически до реальной власти Святослава не допускала, предоставляя ему право выступать в роли военачальника, т. е. имея власть военную, сын Игоря не имел власти

¹⁰ Впрочем, есть и параллель: сам Игорь, родившийся, очевидно, в Эйвоне, так же был «поздним ребенком» Рюрика Фрисландского и уже в Новгороде остался сиротой так же в десять лет – прим. авт. Вследствие господствующих в историографии сомнений относительно действительных родственных связей между Рюриком и Игорем место рождения последнего обычно не указывается – прим. ред.

политической. Когда же Святослав остался полновластным хозяином Руси, оказалось, что собственно Русь его не интересует и ее судьбой он вовсе не озабочен.

Святослав мечтал о создании нового, своего государства в Крыму и в низовьях Дуная. Этим он начал заниматься уже в последние годы жизни Ольги. Когда же правительница умерла, он начал спешно собираться на Балканы, не намереваясь, судя по всему, возвращаться в Киев. Святослав был слишком самонадеян в своей уверенности оказаться победителем и не желал знать, что на Балканах ему придется столкнуться не только с болгарами, но и с византийцами. Противоборство дружин Святослава с армией императора Иоанна Цимисхия окажется для

самого Святослава гибельным. Но в 970 году он излучал уверенность и спешил расчленив Киевскую Русь, с таким трудом собранную Ольгой, на автономные княжества-уделы, рассаживая в них своих, должно быть, многочисленных сыновей.

Святослав не мог не понимать, что между его сыновьями неизбежно и довольно скоро начнется вражда, в которой может стореть даже память о ненадолго обретенном единстве. Думается, Святослав целенаправленно и осмысленно шел на уничтожение Древнерусского государства как объединения всех восточнославянских племен, поскольку для создаваемого им на черноморских и дунайских берегах государства никакого конкурента на севере было не нужно.

Но именно эта злодейская в отношении Руси политика дала возможность начать самостоятельную деятельность Владимиру Святославичу, который продолжит созидательное дело своей бабки, премудрой княгини Ольги. Более того, затеянное в 970 году расчленение Руси, скорее всего, просто спасло юного Владимира Святославича от гибели. Возможно, вечно мятежный Новгород князь Святослав вовсе не намерен был направлять никого из сыновей. Надо полагать, не из жалости к их судьбе (такое чувство как жалость столь жестокосердному человеку как Святослав вряд ли было вообще знакомо), а по той причине, что в своем вечевом строе новгородцы были вполне самостоятельны. Однако, в последний момент и представители Новгорода так же просили Святослава, видя, как по всем землям рассаживаются его сыновья, князя и для себя. Обычно указывается, что Владимира новгородцы просили, наущаемые Добрыней. Участие Добрыни в судьбе своего родного племянника отрицать невозможно. Исторический Добрыня куда интереснее и сложнее своего былинного, сильно идеализированного образа. На 970-й год он находился в числе «мудрствующих бояр» и состоял посадником далекого Новгорода, т. е. хотя и входил в элиту Древнерусского государства, однако же не состоял среди узкого круга близких к Святославу людей.

Надо заметить, что новгородский посадник – отнюдь не самовластный наместник; должность его требовала особого политического искусства соблюдения интересов великокняжеской власти в Киеве и интересов новгородцев. Интересы эти были очень часто взаимоисключающими, и посаднику стоило больших усилий находить взаимоприемлемые компромиссы. Понятно, что в условиях фактического «отъезда» Святослава и расчленения Древнерусского государства Добрыня был более всего озабочен соблюдением новгородских интересов, от чего зависела и его будущность. Вряд ли он мог «навязать» свободолюбивому Новгороду князя в лице своего племянника, статус которого в клане Рюриковичей на то время был ничтожно мал. Новгороду был, очевидно, нужен князь. Во-первых, как привычный символ государственности. Во-вторых, как фигура, связывающая словен ильменских со всей остальной к югу расстилающейся Русью; новгородцы любили при всяком случае кичиться своей «особливостью», но, вместе с тем, интересы их лежали уже в пространствах огромной Руси. В конце концов, даже торговать с Византией приходилось, проходя сквозь племена, плотно обступавшие «путь из варяг в греки». Текст летописи: «В то время пришли новгородцы, прося себе князя...» (т. е. пришли, когда в остальных уделах князья были поставлены), – позволяет полагать, что новгородцы относительно князя колебались и пришли самыми последними. Добрыня в такой ситуации мог, исходя из обстоятельств, корректировать ход событий. Для него вокняжение в Новгороде Владимира было благом – князем оказывался самый близкий ему по крови человек. Святослав же, скорее всего, «дал» новгородцам Владимира, не без тайного злорадства унижить гордый Новгород, так как в клане Рюриковичей Владимир занимал последнее место как «робилич», т. е. «сын рабыни». Новгородцы же были довольны именно таким князем, поскольку статус его не позволял бы ему возгордиться и претендовать на выход из вечевого новгородской воли. Итак, в 970 году Владимир отправился с дядей и с новгородскими послами на север, в Новгород; отец же его, Святослав Игоревич, тогда же отправится с дружиной на юг, откуда ему уже не суждено было вернуться.

Сколько же было лет на тот момент Владимиру? Очевидно, что он был старше, чем его отец на момент гибели Игоря Рюриковича. В «Повести временных лет» дважды упоминается, что Святослав был ребенком, и это подчеркивается также тем, что брошенное им во время сражения с древлянами копьё (поскольку именно князь, каковым по смерти Игоря, становился Святослав, должен был начинать битву) «пролетело между ушей коня и упало коню под ноги». Ничего подобного о Владимире не говорится и, следовательно, был он не ребенком, а юношей, т. е. было ему не десять лет (обычно именно так определяется возраст Святослава на 945-й год), а что-то около пятнадцати лет. Такое заключение относит нас к 955 году, как примерному году рождения Владимира Святославича. Отметим здесь же два существенных обстоятельства. Первое: невидное место в великокняжеской семье Владимира объясняется не тем, что он был самым младшим по возрасту из Святославичей (а он, по-видимому, был среди них как раз одним из самых старших), но именно тем, что юридический статус его оставался неопределённым. Второе: в выяснении происхождения Владимира и первых лет его жизни многое можно получить из биографии его дяди Добрыни.

Нестор считал за лучшее вовсе не упоминать ни год, ни место, ни обстоятельства появления Владимира Святославича на свет. Молчание летописца всегда красноречиво. Его «Повесть» не столько летопись, сколько эпическое сказание о Древнерусском государстве, именно о государстве и именно под властью «Небесной дружины» Рюриковичей, которым Сам Господь вручил судьбу Руси. Нестор, человек не без таинственности в биографии, весьма близкий великокняжескому дому и с юности допущенный к его тайнам, владевший всей полнотой информации как на уровне текстов, так и на уровне преданий, — тщательно отбирал и компоновал факты, порой вольно обрабатывая их, смещая, как бы сталкивая для более красноречивой драматур-

гии. Очень многое было им проигнорировано для окончательного своего текста, который лишь внешне соответствует жанру летописи, но на самом деле является первой официальной историей Руси, т. е. не бесстрастной констатацией событий, а их осмысленным прочтением. Его изложение истории величественно, художественно обобщено и завершено, концептуально идеализировано и, в конечном счете, иконично. Владимир Святославич в сочинении Нестора, как и все прочие герои «Повести временных лет», является как бы ниоткуда, чтобы сразу действовать. О прошлом, т. е. о происхождении, о детстве, можно только догадываться по как бы случайным намекам. Только из иных источников, летописей XVI века¹¹, которые, конечно, использовали источники нам ныне неизвестные, утраченные за давностью времени, нам известно то, что Нестор счел лишним для иконной истории Киевской Руси и Дома Рюриковичей. В Никоновской летописи читаем: «... и было рождение Владимира в Будутине, туда в гнев отослала Малку (т. е. Малушу) Ольга». То, что рождение равноапостольного крестителя Руси случилось не в Киеве, это само по себе вряд ли могло для Нестора быть смутительным. Для него куда более важным обстоятельством был гнев Ольги. И то, что гнев этот связан именно с самим фактом рождения Владимира Святославича. Ведь он, Владимир, окажется подлинным продолжателем дела своей великой бабки, тоже равноапостольной! Дело не только даже в том, что правительница Руси не обнаружила интуиции, но и, по-человечески, поступила весьма жестоко, как настоящий тиран-самодур, причем буквально перед поездкой в Константинополь и, следовательно, перед крещением. Год 955-й в летописи начинается так: «Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду...». Путешествие княгини долгое, опасное и изматывающее, учитывая ее возраст, имело значение историческое и судьбоносное: оно окончательно определяло «провизантийский» и, следовательно, православный вектор развития Руси. Симптоматично, что Владимир Святославич появился на свет именно в это время.

Место рождения Владимира Святославича оспаривают ныне разные земли. Это и село Будник под Псковом, и село Будатин под Гомелем. Нет сомнения, что по фонетическому сходству можно найти на просторах Восточной Европы еще десятки возможных мест рождения Владимира Святого. Наиболее вероятно, по нашему мнению, все же село Будятино на Волини, где впоследствии будет находиться обширная и богатая вотчина воеводы Добрыни Низинича, дяди Владимира Святославича.

Нестор не говорит о том, когда родился св. Владимир, зато замечает о его происхождении следующее: матерью будущего крестителя Руси была некая Малуша, дочь Малка Любечанина и сестра Добрыни. Эта Малуша Малковна была отнюдь не простой девушкой, а состояла какое-то время доверенным лицом и ключницей самой княгини Ольги, иначе говоря, управляющей делами дома и всего хозяйства правительницы Руси. Нет сомнения, что осведомленность ее в самом широком спектре дел, от чисто бытовых и семейных до сфер высокой политики, была исчерпывающей. Ей было ведомо и реальное богатство великокняжеского дома, и подлинная мотивация действий своей хозяйки в политике. Конечно, велико было и политическое влияние Малуши, и уж тем более оно было велико в сфере хозяйственной: подбор слуг, их продвижения и наказания находились в ее непосредственном ведении. Хотя Святослав Игоревич и являлся великим князем и главой Руси, однако реальная власть концентрировалась в руках правительницы Ольги. Данное обстоятельство превращало ключницу Малушу в одну из ключевых фигур в системе политической власти в Киеве: с уверенностью можно сказать, что ее расположения и заступничества искали многие знатные люди на пространстве от Ладоги до Переяславля. Мы не знаем, был ли Добрыня старше или младше Малуши, но, конечно, его вхождение во власть, в избранное число «бояр мудрствующих», состоялось не без участия великокняжеской

¹¹ Автор привлек сведения из Никоновской летописи, однако следует иметь ввиду скепсис историков относительно происхождения сведений в позднем общерусском летописании. Некоторые из этих сведений – очевидно позднего происхождения – прим. ред.

ключницы. Вряд ли только Добрыня мог считать Малушу своей благодетельницей. Впрочем, очевидно, что многие же считали ее и виновницей своего падения. Да, власть ее была велика и, соответственно, столь же велики возможности. Но такая должность сопряжена с утратой личной свободы. Ничего несовместимого здесь нет. Подобных примеров мы найдем во множестве в древней и средневековой истории что Востока, что Запада. Когда и как Малуша оказалась в такой роли в доме правительницы Руси, произошло ли это добровольно или путем насилия – мы уже никогда не узнаем. Логично предположить, что причиной явились законы долгового рабства, т. е. в доме княгини Ольга Малуша оказалась за долги своего отца перед великокняжеским домом.

Остается вопрос – кто был этот Малко Любечанин? Историографическая традиция, причем давняя, полагает его человеком знатным, проживавшим в Любече, что на X век был одним из крупнейших и наиболее богатых городов Руси. Однако знатность этого Малко ничем в источниках не подтверждается. Тут есть два взаимоисключающих положения. С одной стороны, если бы он был из социального «низа», то вряд ли имя его сохранилось в летописях, да еще с «прозванием». С другой стороны, социальные лифты в те времена были весьма динамичны, и знатность Малко мог получить как раз благодаря особому статусу своей дочери. Впрочем, как тут не вспомнить, что былинная традиция указывает на присутствие в Добрыне «знатной породы», что отличает его от крестьянского сына Ильи Муромца! Данное обстоятельство все же склоняет к тому, чтобы признать изначальную знатность Малко Любечанина. Но вот вопрос: как могло оказаться, что знатный человек столь задолжал великокняжескому дому, что вынужден был оплатить свой долг собственной дочерью? Таких прецедентов упомянуть не удастся. Тогда остается практиковавшийся институт заложничества. Однако, тогда немедленно и вырастает в своем значении фигура любечанина Малко примерно до уровня вождя племени или городского посадника.

В таком случае стоит вспомнить версию, весьма распространенную среди отечественных историков XIX века. Согласно ей Малко Любечанин никто иной, как древлянский князь Мал, на котором лежит тяжесть вины за гибель Игоря Рюриковича. Точнее, на которого эта вина возложена преданием. Версия эффектная, но не слишком убедительная. Конечно, она интересна тем, что в фигуре Владимира сошлись кровь варяжского дома Рюриковичей и кровь одного из древнейших собственно славянских княжеских родов. И, конечно, эта версия объясняет, почему Малуша утратила личную свободу. Но вот далее начинаются недоразумения.

Прежде всего, кажется совершенно невероятным, чтобы Ольга, которая инициировала показательный погром Древлянской земли в отместку за гибель своего мужа, решила наделить дочь убитого князя Мала своим полным доверием. Такая степень легкомысленности в высшей степени не была свойственна княгине, которая при таких гипотетических качествах вряд ли смогла бы удержаться на вершине власти. Кроме того, если Малуша стала «рабыней», то почему не стал «рабом» Добрыня? Почему вообще уцелели в то жестокое время дети князя Мала? А если допустить, что Мал и древляне вовсе не виновны в гибели Игоря, а оснований для такого утверждения достаточно, то меняет ли это хоть что-то? Нет, не меняет. Инициатива за уничтожение Коростеня и погром древлян все равно лежит на княгине Ольге. Пожалуй, ее вина за проведенные репрессии становится еще большей. Зная, что смерть ее мужа лежит на, скажем, воеводе Свенельде и его дружине, но нуждаясь в их поддержке ради сохранения власти (если княгиня не находилась в сговоре со Свенельдом), Ольга совершила «неправый суд» и умышленно обрекла на смерть невиновных. Как же должны были тогда относиться к Ольге Малуша и Добрыня, если им каким-то образом во всем этом кошмаре удалось уцелеть? Можно ли представить, чтобы они не желали отмщения? Можно ли допустить, что этого желания (в языческом мире естественного и неизбежного) не предполагала мудрая Ольга и отчего-то решила сделать дочь убитого древлянского князя своей ключницей, а сына его – воеводой и «мудрствующим боярином»?

А если князь Мал остался в живых? Можно ли ассоциировать его с Малко Любечанином? Можно пойти и далее: князь Владимир увидел свет не в Киеве, а, согласно Никоновской летописи, в селе Будятичи. Такое село имелось на Волыни и входило в крупную вотчину, состоявшую из трех селений: Будятичи, Гряды и Низкиничи. Вотчина эта принадлежала боярскому роду Резановичей, а, как известно, Добрыня упоминается в былинах под двумя прозвищами: Резанович и Низкинич. Кстати, известное как бы «отчество» Добрыни – «Никитич» – как раз и происходит от Низкинич, т. е. от «старшего» в вотчине села. То, что Добрыня владел вотчиной на Волыни, это факт известный. Но некоторые историки из этого делают смелое заключение: князь Мал не погиб в 945 году, и, хотя он лишился своих владений в низовьях Припяти, он получил вместо них компенсацию в верховьях той же реки – вотчину из трех сел. Тем более, что тут можно «поиграть словами»: Низкиничи от слова «низкий», а Мал – от «малый», ну и, соответственно, «низкий» и «малый» это фактически одно и то же! Но «игра слов» ничего не доказывает. А что касается вотчины, то Добрыня, скорее всего, получил ее сам. Представить себе, что князя Мала, который оказывался виновен в самом страшном из преступлений (гибели великого князя¹² Игоря Старого), решили оставить в живых, невозможно даже в теории! Если же Мал (и это, вообще-то, скорее всего) был «подставлен», и крови Игоря Старого на нем не было, то оставлять такого опасного свидетеля оказывалось тем более неразумно. Погибали и за куда меньшее.

Каков же вывод? Он прост: к князю Малу Древлянскому ключница Малуша и брат ее Добрыня, а равно и Владимир Святославич, никакого отношения не имеют. Подобные, очевидно лестные для них гипотезы строятся на слишком неверных основаниях. Однако, и относительно Малко Любечанина никаких уточнений не существует. Скорее всего, ожидать, что с течением времени вдруг появятся какие-то новые данные, не стоит. Бездна времени сомкнулась и, поглотив тысячи фактов, обратила навсегда в тайну происхождение матери и дяди Владимира Святославича.

Что же касается гнева правительницы Ольги, то причина его вполне прозрачна. Сомневаться в гневе Ольги на связь Малуши со Святославом Игоревичем не приходится, ведь должностей своих, высокого своего положения Малуша лишилась и сослана была подальше от Киева. Чем могла быть вызвана такая реакция? Непременного брака подобная связь не требует. Ребенок, если он родится, может быть признан отцом и тогда войдет на равных правах с прочими в клан Рюриковичей. Но может и не быть признан и тогда пополнит ряды, видимо, дружинников. Наконец, его можно было передать, чтобы не тратиться, на воспитание родственникам матери – Малуши, что, кстати, и произошло: воспитывал-то Владимира Святославича именно его дядя Добрыня. Практика «приемных детей» – дело на Руси в те времена обычное. Тот же Святослав Игоревич появился на свет, когда княгине Ольге было уже за пятьдесят лет. Скорее всего, мать Святослава была одна из многочисленных наложниц князя Игоря, либо вообще случайная женщина. Признавая Святослава как родного и законного сына, его, в соответствии с традицией, «записали» за женой князя, каковая может быть только одна. Очевидно, что Святослав был не единственным подобным «опусом» Игоря Рюриковича и у Святослава было много братьев и сестер. Кого-то из них тоже ведь признавали «официально» и, значит, все они считались «детьми» Ольги. Были ли у Ольги родные дети, мы не знаем. Вообще, почти ничего неизвестно о ее личной жизни. Но как-то так выходит, что жизнь эта кажется лишенной счастья.

В очаровательной «Повести о княгине Ольге» Вера Панова создала идиллическую картину любви юных Игоря и Ольги как «древнерусских Ромео и Джульетты». Эта превосходная

¹² Термин «великий князь» появляется в титулатуре русских князей не ранее начала XI века. Однако здесь и в определенных местах ниже этот термин оставлен, так как в книге он имеет вполне определенное значение старшего князя по отношению к остальным, причем старшинство определяется как киевским княжением, так и рядом иных факторов, а также иногда использовался в «Повести временных лет» и применительно к более ранним эпохам – *прим. ред.*

беллетристика вряд ли содержит даже крупную правду. Игорю во время брака было уже около сорока лет. Ольге – лет на десять меньше. Это были взрослые люди, и брак этот был заключен стараниями тогдашнего сурового и властолюбивого хозяина Руси Вещего Олега. Жена Игоря Рюриковича, не важно, какого она была происхождения, русо-варяжского или славянского, вряд ли случайно получила в замужестве мужское имя князя Олега. Это имя, Ольга, красноречиво подчеркивает связь будущей правительницы Руси с основателем Киевской державы. Скорее всего, Ольга была «приставлена» к великовозрастному сыну Рюрика Фрисландского, чтобы контролировать его властные амбиции, подпитываемые недовольством варяжской дружины от неудач в войне с хазарами и фактом старения Олега Вещего. Нельзя не обратить внимание на то, что свадьба Игоря и Ольги состоялась в 903 году, т. е. тогда, когда положение Олега (из-за поражений и прекращения торговли с византийцами) становится весьма шатким. И именно в это время Игорь подменяет Олега в полюдь (в сборе дани), которая стала основным источником дохода. Кстати, Игорь не сам выбрал Ольгу в жены: «привели ему жену из Пскова именем Ольга».

Ольга с самого начала оказывалась в «большой политике» и сразу в одной из ключевых ролей. Она очень рано начала набирать и политический опыт, и политический вес. Рано научилась лавировать между варягами, русами и славянами, между грозным «вещим» правителем и стареющим мужем, между дружиной и посадом, между хазарами и византийцами. Рано привыкла предупреждать и отражать удары, а равно и разить без промаха врагов реальных и гипотетических. Сентиментальности и доверчивости в ее мире просто не было места – они были залогом неизбежной гибели. Ольга же почти шесть десятков лет удерживалась на вершинах властной иерархии, достигнув в последние двадцать лет зенита на политическом Олимпе Руси. Пример ли это редкой удачливости? Только отчасти: удача не может быть постоянной. Здесь, в столь продолжительное время, она поддерживается умом, азартом, способностью учиться на ходу, умножающимся опытом. И еще отсутствием каких-либо иных интересов «на стороне». Политический азарт Ольги – это ее компенсация за фактическое отсутствие элементарного женского счастья. Ни матерью, ни бабушкой мы ее в истории не видим – только политиком, умеющим ставить цели и добиваться их решения! Возможно, у нее и были родные дети. Если были – умерли в детстве и не оставили следа в ее биографии. В ее кровное родство со Святославом даже при желании трудно поверить: слишком велика разница в возрасте, слишком ничтожно влияние ее на Святослава, слишком на далеком расстоянии предпочитает держать его княгиня, не допуская ни малейшего желания приобщить его к реальному политическому управлению страной. Святослав не более чем «оточенный военный инструмент» политики Ольги Мудрой: за княгиней неизменно сохраняется стратегия, Святославу же остается «полевая тактика». И, надо полагать, княгиня ревностно сохраняла свое преимущество и сложившийся во время переворота 945 года «статус-кво». Несомненно, княгиня должна была крайне болезненно и жестко реагировать на любые попытки Святослава получить доступ к реальной власти. Ольгу, конечно, вполне устраивало подобное «разделение полномочий». Возможно, что устраивало это и Святослава, во всяком случае, в летописи никаких попыток своеволия и бунта с его стороны нет. Но, вообще-то, в летописи много чего нет. Святослав вырос. Ольга, и без того обремененная годами, старела. Окружение не могло не думать о будущем. Как известно, «царя играет свита». Так вот, эта «свита» должна была усиливать подозрительность Ольги и амбиции Святослава: как известно, эта «свита» была далекой от единства и ее группы принципиально различно представляли себе будущее. Во всяком случае, жизнь властной элиты в 950-960-х годах была очень напряженной и в этом напряжении крещендирующей.

И вот, в такой-то обстановке, да еще перед необходимостью поездки в Константинополь, т. е. необходимостью оставить на долгое время Киев, становится известно, что Малуша ждет ребенка. От кого? От Святослава! А Малуша – самое доверенное лицо княгини, хранительница всех ее тайн. Как должна была понимать это Ольга, как не измену ей лично? Совершено

предательство – тот, кому она доверяла безгранично, это доверие обманул и стал «человеком Святослава». Тот, кого держали в разумной отдаленности от политической власти, в неведении, теперь проник в самые недра дома правительницы Руси, дотянулся до сокровенных тайн власти. Княгиня знает, как зыбко политическое равновесие, знает, как совершаются перевороты и какова участь проигравших. Реакция Ольги – гнев, отставка и опала Малуши – в такой ситуации только естественна. Ольга еще милостива, так как обычно живым из подобной ситуации не выходят. Возможно, только беременность ключницы и христианское настроение княгини сохранили ей жизнь.

Вряд ли княгиня, наложив опалу на Малушу, одарила ее вотчиной в виде села Будятина. Малуша должна была радоваться, раз попала в «жернова» между Ольгой и Святославом, что вообще осталась живой. Вероятнее всего, передана она была своей родне, а таковой был ее брат Добрыня. Маловероятно, что в живых оставался Малко Любечанин, так как ни в летописях, ни в преданиях он не появляется, очевидно, не успев себя как-то обозначить до своего ухода из жизни. О том, что род Резановичей, к которому относился Добрыня, имел вотчину из трех сел на Волыни, известно; туда и спровадили «с глаз долой» Малушу, находившуюся «в тягости». Правда, в Никоновской летописи есть намек на то, что Будятичи будто бы принадлежало непосредственно Малуше, будто бы это село она перед смертью «отдала святой Богородице», т. е. пожертвовала Церкви или, если точнее, храму Пресвятой Богородицы в Киеве, более известному как «Десятинная церковь». Вотчина, конечно, как собственность «неотторгаемая, наследуемая и безусловная», вполне может быть завещана кому угодно, однако у женщины «вотчинных прав» на Руси не имелось, следовательно, отсутствовало и право что-то завещать. Вот «пользоваться» и даже «управлять» с согласия вотчинного хозяина, каковым всегда был мужчина, женщина могла. Кстати, и сама-то княгиня Ольга была не государыней Руси, а лишь «правительницей» – такое право ей было легитимировано киевским вечем, дружинным сходом и, надо полагать, самим малолетним на тот момент Святославом. Впрочем, нельзя исключать и завещания самого Игоря Старого. Перед гибелью в Дrevлянской земле он перешел семидесятилетний рубеж, т. е. для того времени был глубоким стариком, а потому не мог не думать о преемственности власти. Особенно если учесть, что Русь в очередной раз находилась в крайне рискованной ситуации, оказавшись замешанной в обострившийся конфликт между Византией и Хазарией. Итак, юридически Ольга «управляла» Киевской Русью «по доверию и поручению». Надо полагать, что и Малуша селом Будятином владела на основании согласия брата. Кстати, Будятино числилось за кланом бояр Резановичей, т. е. наследников Добрыни, и в XVI веке, и, следовательно, автор «Никоновской летописи» позволил себе некоторую вольность, перенеся в X век обычаи, свойственные XVI столетию.

Итак, Малуша в Будятине оказалась где-то в 955 году. Там она будет жить, видимо, до самой своей кончины. Во-первых, правительница Ольга доверия ей не вернет. Во-вторых, каких-либо упоминаний о матери Владимира Святославича, кроме того факта, что именно она и есть его родительница, нет; скорее всего, до 970 года она не дожила. Владимир же о ней никогда (если судить по летописным материалам) не вспоминал, и неизвестно, оставила ли мать в его памяти какой-либо заметный след. Вообще, все, что касается детских и отроческих лет Владимира Святославича, подернуто мраком неизвестности. Вот что ясно, так то, что ни правительница Ольга, ни князь Святослав Игоревич в воспитании и формировании личности своего внука и сына участия не принимали. Но нельзя сказать, что Владимир был совершенно вычеркнут из памяти. Все же в клан Рюриковичей его ввели, т. е. Святослав (позиции Ольги Мудрой мы здесь не знаем) признал Владимира своим сыном официально. Очень может быть, что сделано это было Святославом для того, чтобы досадить всесильной правительнице Руси. И ничего более делать для Владимира отец не стал: в походы с собой не брал, иначе бы это не прошло мимо летописей. Следовательно, есть лишь одна стезя, по которой пролегла жизнь Владимира Святославича на первом этапе – он оказался в сфере забот Добрыни.

О Добрыне на тот период тоже ничего неизвестно. Впрочем, вотчины его не лишили и в дружине он оставался. Значит, опала Малуши на его карьере каким-либо роковым образом не сказалась. А, впрочем, может быть, и сказалась. Например, тем, что Добрыне пришлось оставить Киев и отправиться в Новгород. Когда и при каких обстоятельствах он оказался на берегах Волхова? Это существенно, поскольку при нем, конечно, был и воспитываемый им Владимир. Григорий Прошин в книге «Второе крещение», описывая несколько беллетризованно события 970 года, считает, что именно в том году Добрыня и Владимир впервые оказались в Новгороде: «Добрыня и вовсе казался человеком подходящим: из простых, не богат, двора своего нет...». Вообще-то, наличие вотчины из трех сел (и это только то, что случайно известно, а сколько еще осталось «за пеленой времени»?) говорит о более чем основательной материальной базе Добрыни. О знатности же Добрыни свидетельствует предание и былины – он представитель «большой дружины», т. е. боярин; он не только умен, но и образован; он не только владеет мечом, но и искусно играет на гусях. В нем присутствует «порода», привычка к власти. Добрыня, конечно, к 970 году уже был полноправным членом русской властной элиты. И, что существенно, он был хорошо знаком новгородцам и весьма среди них авторитетен. Он появляется в летописи словами: «И сказал Добрыня – просите Владимира!» Слова эти обращены были новгородским посланникам. И те даже не подумали сомневаться в его совете: «И сказали новгородцы Святославу – дай нам Владимира!». Определенно, посланцам свободолюбивого и спесивого Новгорода Добрыня был очень хорошо знаком. Кстати, и первые былины о Добрыне новгородского происхождения. Почему новгородцы поверили Добрыне? Не потому ли, что знали его раньше и имели время и возможности (т. е. ситуации) оценить его деловые и интеллектуальные качества? В списке новгородских посадников Добрыня значится в течение восьми лет, начиная с 980 года. Получается, что он занимал некое ключевое место в администрации Новгорода как минимум с 970 года. По летописи Нестора новгородцы просили князем Владимира по наущению Добрыни; Святослав «ответил им – вон он вам», после чего «взяли себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород...», – ну а Святослав пошел войной на Балканы. Какое место в управлении Новгородской земли в течение десяти лет (с 970 по 980 год) занимал Добрыня, не ясно. Понятно, что, так сказать, «состоял при князе», но вряд ли его роль ограничивалась пассивным советованием.

Откуда же новгородцы так хорошо знали Добрыню и почему так охотно согласились на кандидатуру Владимира?

Логично предположить, что Добрыня, и, следовательно, находившийся при нем на воспитании его племянник, еще до 970 года был в Новгороде. И если был, то вряд ли гостем. Добрыня – «княжой человек», боярин, и смысл его жизни – в служении. Значит, если он был в Новгороде, то каким-то образом представляя интересы великого князя. Обратим внимание: ни «хазарского», ни «болгарского» следов в былинной биографии Добрыни не прослеживается, что указывает на то, что ни в походе 965 года на Хазарский каганат, ни в войне 966-968 годов с Болгарским царством воевода и боярин Добрыня не участвовал. Возможно, конечно, что в это время он находился в Киеве, т. е. был в окружении правительницы Ольги. Но все же и это представляется маловероятным: Добрыню никак нельзя считать «человеком Ольги». Представляется невероятным, что правительница хотела бы видеть среди своего ближнего круга того, кто в ее сознании связан с ненавистной после предательства Малушей и кому она по этой причине не может полностью доверять. И, вместе с тем, Добрыня сохранил свое положение во властной элите. Отчасти, благодаря своим личным качествам. Но также и потому, что был воспитателем Владимира, т. е. официально признанного великокняжеского сына. Правда, Святослав не хотел видеть нелюбимого Владимира. Не в последнюю очередь это обстоятельство держало Добрыню в стороне от ближнего круга Святослава. Станным получается положение Добрыни: и статус при нем, и несомненно выдающиеся, полезные для государства качества, но только видеть его ни Ольга, ни Святослав не хотят.

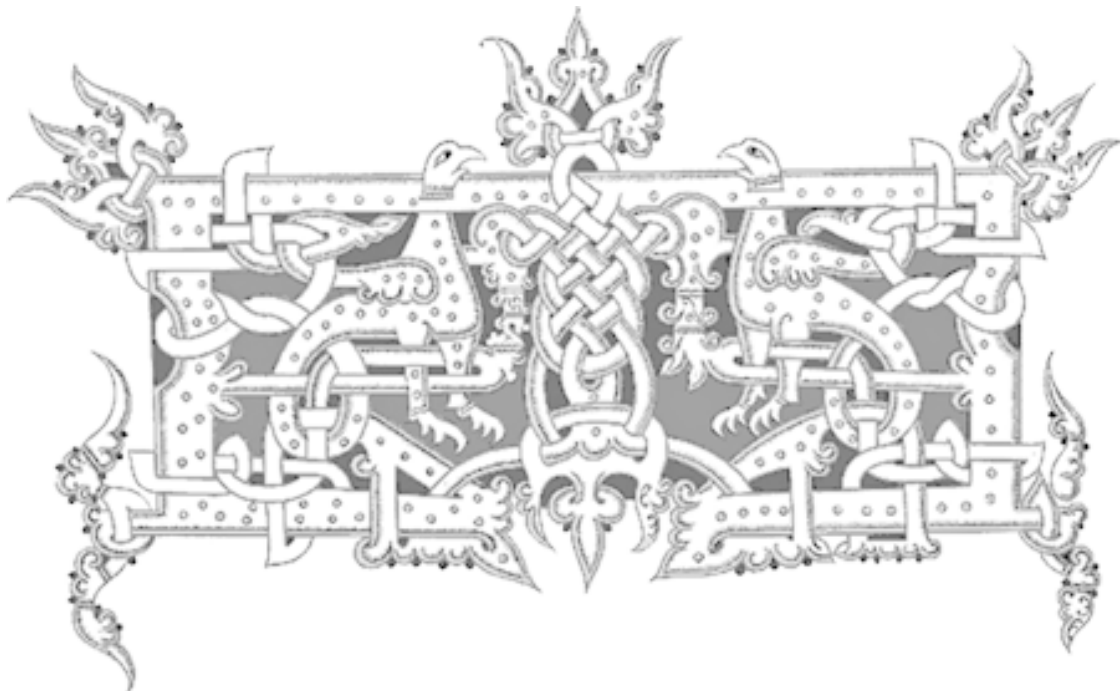
В таких случаях самое правильное – отправить Добрыню куда-либо подальше, на окраину, представлять интересы Киева. Исходя из того, что ранние циклы былин, связанные с Добрыней, новгородского происхождения; из того, что на 970-й год и сам Добрыня, и Владимир хорошо знакомы новгородцам, а Добрыня также и весьма авторитетен, следует вывод: более чем вероятно, что Добрыня еще до 970 года в Новгороде, и именно для того, чтобы представлять интересы Киева. Был ли он в Новгороде посадником, занимал ли какую иную должность – этого нельзя сказать. Как, кстати, нельзя сказать, была ли на то время вообще должность посадника. Добрыня будет числиться посадником лишь с 980 года. До него известно только имя некоего Власюка, и было это ровно век до этого. Как управлялся Новгород в течение этого века, практически неизвестно. Известно лишь, что была «кончанско-уличанская система», что было, соответственно, три уровня вечевого схода. Вече может оглашать свою волю, но не может заниматься текущими делами и, следовательно, какие-то должностные лица все же были. Но какие это были должности? И какие это конкретно были «лица»? Мы ничего не знаем о «персоналиях» новгородской власти. Но отчего бы среди этих «персоналий» уже с 960-х годов не числить Добрыню? Дело же, в конечном счете, не в названии должности, а в ее содержании. А статус Добрыни таков, что он мог занимать место весьма значительное. Наиболее вероятно то, что он по должности своей занимался соблюдением баланса интересов Киева и новгородцев. И, надо думать, в соблюдении новгородских интересов весьма преуспел, раз его слову доверяют.

Но важно и вот что: там, где Добрыня, там был и его воспитанник Владимир Святославич. А это значит, что Владимир был хорошо знаком новгородцам еще до 970 года. И совсем уж в духе новгородцев просить князем того, кого они наблюдали в ранние годы, видели, как он входит в возраст. Новгородцы и в дальнейшем будут предпочитать «выращивать» для себя князя в собственной среде. Наиболее успешные князья, скажем, такие как Мстислав Великий, именно на глазах новгородцев и росли. Если это так (а, судя по всему, это именно так), то становление Владимира проходило именно в опасной и динамичной атмосфере вечно озабоченного своей «самостийностью» Новгорода. И еще: новгородские послы хотели себе князем именно Владимира. Их выбор был вовсе не случаен.

Новгород – отличная школа для будущего политика. Особенно, если у ученика найдется хороший учитель: умный, терпеливый, авторитетный. У Владимира такой учитель был – его собственный дядя Добрыня. Можно сказать, что Владимиру очень повезло.

Глава 3. Отец, Святослав и Русь в начале 970-х годов

Что представляла собою Киевская Русь в начале 970-х годах? Если опираться на скудную информацию о том времени, имеющуюся в дошедших исторических источниках, трудно на этот вопрос ответить нельзя. Можно, конечно, полностью довериться Нестору: пока Святослав воевал на Балканах сначала с болгарами, а потом с византийцами, он и оставался главой Руси, а после его убийства весной 972 года на днепровских порогах печенежским князем Курей «начал княжить Ярополк». Нестору как автору официальной истории государства важно провести преемственность власти; читатель же «Повести временных лет» должен исходить из того, что тот, кто княжит в Киеве, тот княжит и на Руси. Пока же княжение одним из Рюриковичей в Киеве сохраняется, сохраняется и единство Древнерусского государства. Нестор эти княжения нанизывает одно за другим как неразрывную цепь, как зерна на четках, тщательно фиксируя количество проведенных на «Золотом киевском столе» лет. Однако же, вот на что нельзя не обратить внимание: гибель Святослава пришлось на весну 972 года, а княжить в Киеве его сын Ярополк, согласно летописи, начал только с 973-го года. Смена власти в Киеве всегда проходила драматично. Что происходило в течение большей части 972 и начала 973 года?

Прежде всего, какая мотивация была у Святослава Игоревича для возобновления войны на Балканах? Болгария пределам Руси не угрожала, тем более что положение ее было отчаянное: Византия готовилась к большой войне с болгарами, которые в то время, как империя, ведомая победоносным императором-аскетом Никифором Фокой, напрягала все силы в войне с арабской державой Хамданидов, воспользовавшись отсутствием армии ромеев во Фракии и Македонии, напали на европейскую часть империи – да не одни, а еще и с венграми, – и беззастенчиво грабили все, что попадалось им на пути. Собственно, чтобы усмирить болгар, византийцы, памятуя договор 944 года, пролонгированный в Константинополе княгиней Ольгой, пригласили дружину князя Святослава. Свое дело, как союзник империи, Святослав сделал хорошо – в течение 967 года Болгария была разгромлена. Но с берегов Дуная уходить не захотел и сел княжить в Переяславце. Кроме того, он решил поучаствовать в большой политической интриге внутри Византии: за поддержку противников Никифора Фоки ему было обещано законное владение землями в низовьях Дуная. Но заговор тогда провалился, а прави-

тельница Ольга менее всего хотела военного конфликта между Русью и Византией. В 968 году Святослава удалось вернуть с Балкан в Киев, но даже после кончины княгини Ольги интерес к княжению на Руси у него не появился.

Позиция его была предельно декларативна и ее хорошо помнили даже во времена Нестора, который не мог эту позицию не отметить в своей летописи. «Не любо мне сидеть в Киеве, – говорил Святослав Игоревич, – хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды; из Чехии и из Венгрии – серебро и кони; из Руси же – меха и воск, мед и рыбы». Воистину, продолжателя дела княгини Ольги из Святослава никак не получалось. Обратим внимание: Русь в словах князя поставлена в один ряд со всеми прочими землями, которые Святослав намеревался грабить, причем, весьма эффективно. Святослав – фигура архаическая и для Руси, скорее, зловещая: он намеревался создать из анклавов в Тамани, Крыму и на берегах Дуная военное государство, существующее исключительно на паразитизме, на военном шантаже соседей, на грабительских походах, на данничестве. Для этого типичного варяжского конунга никакой разницы между славяно-русами и болгарами или венграми не существовало – все они были в равной степени объектами грабежа и наживы.

Последней преградой к осуществлению этого плана, который мог бы стать роковым для судьбы Древнерусского государства, была княгиня Ольга. Но она летом 969 года умерла, и Святослав немедленно начал готовиться к отъезду из Киева. Менее всего он был заинтересован в сохранении единства выстроенного, правда, пока еще «вчерне», Древнерусского государства. Наличие союза между Киевом и Константинополем, тем более в случае взаимной угрозы, станет для новообразованного Святославом «государства-паразита» смертельным приговором: синхронного удара с юга и севера двух огромных государств выдержать будет невозможно. В отношении Византии Святослав, прикоснувшийся в 966-968 годах к интригам в Буколеоне, питал опасные для себя иллюзии, полагая, что Империя, раздираемая противоречиями в политических верхах, перейдет к фазе кровавых внутренних войн и, в конечном счете, катастрофически ослабнет и, быть может, даже распадется.

Что же до Руси, то тут все было «в руках» самого Святослава: нужно было не продолжать дело княгини Ольги, а создать механизм разрушения, цель которого состояла бы в возвращении Восточной Европы к состоянию как в VIII веке. Пожалуй, план был еще страшнее: все же восточнославянские племена между собой почти не воевали, а Святославу нужно было погрузить Русь в междоусобный хаос. Именно с этой целью он и рассказывал своих сыновей по «провинциям». Собственно, именно с этой акции 970-го года и начинается история «удельных княжеств». Из этих посаженных по уделам Руси князей нам известны только трое, их имена сохранил для истории Нестор. Почему именно их? Владимир Святославич – поскольку именно он окажется победителем, именно он совершит официальный переход к христианству, и именно его наследники будут править Русью (в конечном счете, именно по поручению правнука св. Владимира, великого князя Святополка Изяславича, Нестор и станет писать свою знаменитую «Повесть временных лет»). Ярополк Святославич – поскольку он и обеспечивает преемство власти на Руси в доме Рюриковичей, т. е. он Нестору необходим как связующее династическое звено между Святославом и Владимиром. И, кроме того, Нестор не мог обойти то, что было в живой памяти его современников: трагическую гибель Ярополка в 980 году, виновником которой был именно Владимир, правда, тогда еще пребывавший «во мраке языческого невежества». Олег Коростеньский – потому, что именно он своим убийством Люта Свенельдича в 976 году спровоцировал усобицу Святославичей. В этой усобице участвовали и иные, более мелкие, «удельные князя», тоже Святославичи. Но Нестор их именами пренебрег, они только бесславные статисты в истории. Возможно, Нестор просто не захотел «обременять» биографию будущего крестителя Руси.

Владимир Святославич на то время – еще язычник (таинство крещения смое с него грехи предыдущего периода), однако для характеристики его как человека довольно и злодея в отношении Рогволда Полоцкого и Ярополка Киевского. Однако же, сами эти убийства весьма красноречивы. Владимир Святославич далек от сентиментальности и решительно убирает со своей дороги к власти на Руси все преграды. Любой из Святославичей, даже из самых второстепенных, несет в себе потенциальную угрозу если не сейчас, то в следующем поколении. Нельзя не обратить внимание на то, что в истории Руси род Рюриковичей с конца X столетия продлится только через колено Владимира. Из этого можно сделать вывод, что «восточноевропейская поляна» в 980 году была «зачищена» тотально. С позиции политической, т. е. исходя из целесообразности сохранения (на тот момент, по существу, восстановления) Древнерусского государства и искоренения порочного «Святославова наследия» – такой террор целесообразен и, быть может, даже безальтернативен. С позиции же нравственной... Впрочем, какая может быть в политике «нравственность»? Рогволд Полоцкий хотя бы не был Рюриковичем: он вообще «пришел из-за моря». Нестор представляет его завоевателем, а его гибель вместе с двумя сыновьями происходит во время сражения. Ярополк, хоть и язычник, но, тем не менее, брат: его гибель на совести воеводы-предателя Блуда и наемной варяжской дружины, с которой у Владимира был конфликт. Хватило бы изобретательности у летописца во всех прочих, очевидно многочисленных, случаях «вывести из-под удара» Владимира Святославича? К тому же это живописание надолго остановило бы динамичное течение неторовой летописи. Нестор предпочел удельных Святославичей «забыть» и, в конечном счете, вычеркнул их из истории. Одновременно напустив туман на целое десятилетие древнерусской истории.

Впрочем, может быть и другое «прочтение»: иных Святославичей, кроме тех, что приведены в летописи, нет, а есть огромное пространство Руси, находящееся вне зоны контроля трех юных Рюриковичей (тех, что и упоминаются Нестором в летописи). И именно этот факт – уход из-под контроля этим «сакрализованным» Нестором правящим кланом значительной части территорий Киевской Руси (т. е. фактически исчезновение этого государства) – вынуждает летописца к молчанию. Правда, тогда не совсем понятно, чего, собственно, так сильно испугались Владимир и Добрыня после поражения Олега Святославича под Овручем (так сильно, что даже «бежали за море»: такая спешка сродни панике)? Ведь между Древлянской землей и Новгородом лежала почти вся Восточноевропейская равнина, являвшаяся буферной зоной, отделявшей Новгород от владений Ярополка Святославича. Эти огромные территории предстояло еще покорять. Это процесс долгий и затратный, причем, с неопределенным финалом. У Владимира с Добрыней должно было быть достаточно времени и для политического маневра, и для организации многочисленной оппозиции Киеву, и для найма варяжской дружины. Однако, как видно из летописного текста, времени не было вовсе. Такое ощущение, что одним сражением при Овруче воевода Свенельд (а именно он возглавлял полки Киева) буквально «положил в карман» Ярополку всю Русь за исключением лишь Новгорода. Какое этому можно найти объяснение? Трусостью племенных вождей? Вряд ли стоит столь уничижительно думать о наших предках. Скорее всего, после Овруча удельные Святославичи признали старшинство Ярополка. Почему этого не сделал Владимир – вопрос отдельный. Но видно, что он занимает в этом клане Рюриковичей какое-то особое место, как-то он не до конца, так сказать, «вписывается» в иерархию этого клана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.